

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УДК 327.2

В.А. Васильев*

ИНИЦИАЦИЯ ВОЙН НА ОСНОВЕ ВНУТРЕННИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ВНУТРЕННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ: НОМОТЕТИКА И КОНКРЕТИКА (ЧАСТЬ I. ИЗ ИСТОРИИ ВОЙНЫ И АРМИЙ)

В статье рассматривается ряд закономерностей, касающихся войны и армии – их развития, положения в социуме и связи с государственной политической системой. Значительное внимание уделено вопросу о постоянных армиях и всеобщей воинской повинности. Представлены подтверждения отчетливо намечившегося отмирания войн, которые пока, однако, сохраняют актуальность.

Ключевые слова: война, армия, государственная политическая система, наемничество, воинская повинность, континентальная Европа, Англия, НАТО.

1. Социально-политические аспекты войны и армий в древности

Возникнув на заре становления человечества, война длительное время играла одну из ключевых ролей в его истории. Как заведомо рискованное и далеко не всегда оправданное занятие [1, с. 139–141] война тем не менее уже в период первобытнообщинной формации предоставляла ряд возможностей, позволявших в обход обычных¹ порядков ускоренными темпами повысить свой социальный статус.

Еще в эпоху матриархальной родовой демократии «военными действиями руководили специально избираемые на время войны военачальники родов, фратрий, племен. Военачальниками избирали людей, пригодных для этого дела» [2, с. 67]. При выборе же вождей кандидаты должны были отвечать разнообразным требованиям-детерминантам, включая значительный хронологический возраст и ближайшее родство с родоначальницей [2, с. 66]. Таким образом, *формирование именно военного компонента представительно-демократического уровня системы политической коллаборации*² (далее – СПК) первобытного социума *отличалось не только большей открытостью, но и большей рациональностью.*

В дальнейшем *привлекательность войны лишь все возрастала и возрастала*, что нашло красноречивое отражение во вступлении первобытных социальных систем на соответствующую стадию – военной демократии, начало которой совпало с распадом родоплеменного строя. Родовое собрание как прямо демократический орган, которое теперь включало только боеспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, было селективно сужено, а его значение в жизни социума – ощутимо снижено [2, с. 79]. Напротив, роль представительно-демократических элементов, в т. ч. военных предводителей, возросла, что, в свою очередь, привело к обострению соперничества племенного и военного компонентов представительно-демократического уровня СПК [2, с. 79; 3, с. 73]. «Возрастание власти военных предводителей связано с участвовавшими войнами, которые *впервые в эту эпоху приобрели грабительский характер* (курсив мой. – В. В.)» [2, с. 79]. В свете этого вполне закономерно выглядит тот факт, что война и организация войск стали регулярными задачами племенной жизни [2, с. 79].

Следствием означенного выступило *укрепление военными предводителями прямо демократической опоры альтернативным путем.* Из уже существовавших структур на себя эту функцию отчасти взяли тайные мужские союзы, зародившиеся еще в период перехода от матриархата к патриархату и, к слову, ранжировавшие своих членов по богатству, а не по хронологическому старшинству [2, с. 74, 81]. Однако гораздо более важным инструментом военачальников в их стремлении упрочить свои позиции стала дружина – «принципиально новое для родоплеменного социума явление. <...> С появлением дружины произошло и определенное выделение в рамках социума группы людей, социально связанной с осуществлением военной функции» [3, с. 72–73]. «Дружина вместе с вождем постоянно участвовала в грабительских походах. Война стала для них, по выражению Ф. Энгельса, постоянным промыслом» [2, с. 79]. Последнее, надо сказать, не теряло актуальности и в применении к тем, кто занимал нишу дружинников в более поздние периоды: так, «для дворянства [Высокого Средневековья] война, всегда

* © Васильев В.А., 2018

Васильев Вячеслав Алексеевич (valv98@yandex.ru), аспирант кафедры государственного и муниципального управления, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 44386, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

наполовину состоявшая их грабежа, была одним из главных занятий и источником доходов, не менее важным, чем сеньориальные поборы и рента» [1, с. 124].

Наконец, приведенные тенденции венчало *попадание складывавшихся и приходивших на смену военной демократии рабовладельческих государств под контроль именно военного сектора СПК*. «Во главе государств становились верховные военачальники союзов племен, опиравшиеся на поддержку племенной аристократии (которая, конечно же, поступала отнюдь не всегда. — В. В.) и на силу личных дружин» [2, с. 81]. При этом государство как «аппарат насилия» создавалось «исподволь, в первую очередь в лице дружины» [2, с. 81], которая изначально не представляла собой закрытой группы. Так, например, «судя по сообщениям саг, скандинавские правители, стремясь укрепить свою власть, добивались у представителей местной верхушки отдельных областей, чтобы те присылали к ним в дружину своих сыновей» [3, с. 82].

В контексте последней закономерности весьма характерен пример Англии, которая, как и иные королевства средневековой Европы, находилась в распоряжении наследников глав военно-демократических социумов. На этот счет имеется два наиболее важных факта, указывающих на попадание гражданского сектора СПК в зависимость от военного сектора. Первый из таковых состоит в том, что еще в ютоанглосаксонских³ королевствах, долгое время сохранявших пережитки военной демократии, в собраниях графств (скиров и шайров) — мотах и гемотах — усиливалось значение представителей королевской власти — шерифов, заменивших прежних руководителей собраний из числа родовой знати — элдерменов. Второе же событие широко известно и состоит в том, что после того, как в 1066 г. гражданский представительско-демократический орган — «совет мудрых» (уитенагемот) — избрал королем Англии Гарольда Саксонского, герцог Нормандии, с санкции Папы Римского, силой захватил власть, став новым королем Вильгельмом I Завоевателем. Как следствие, история существования в Англии полноценных представительско-демократических органов оказалась прерванной на два века⁴ [4, с. 171–172].

В дальнейшем истории станет известно лишь еще одно противоборство, сравнимое по своей остроте и важности с упомянутой борьбой двух «центров власти» за контроль над государством, — противоборство между светским и духовным компонентом уже оформившихся государственных политических систем (далее — ГПС). Таковое, достигавшее апогея, разворачивалось, к примеру, в Древнем Египте периода правления Эхнатона (1372–1354 г. до н. э.) [4, с. 156–157], в хасмонейской Иудее в 152–63 г. до н. э. [5, с. 96–97, 99], во время «королевской реформации» 1534–1571 г. в Англии [5, с. 88]. То же самое происходило и в России с 1649/1653 по 1721 г., имея небольшой эксклав в виде секуляризации монастырских и церковных владений рубежа 1750–1760-х гг. [3, с. 628–629, 631; 6, с. 77–78, 257]. И аналогично результатам противостояния двух первобытных «центров власти» усиление конфронтации между светским и клерикальным началом, по крайней мере в краткосрочном периоде, всегда оканчивалось победой первого.

Итак, издревле и повсеместно война небезосновательно занимала умы и отвлекала на себя миллионы жизней. Даже, к примеру, в Полинезии, на Маркизских островах с их благодатным тропическим климатом, плодородными долинами и — что в данном случае наиболее важно — сплошным покровом горных хребтов, отделявших одно племя от другого [7, с. 555], в доколониальную эпоху имели место войны. Характерным выражением этого было наличие в каждом племени наряду с тандемом «вождь — жрец» военного вождя — тоа. Цели войн, практиковавшихся полинезийцами, созвучны с тем, что было отражено выше: это в первую очередь захват земли и военнопленных, как правило, автоматически обращавшихся в рабство [7, с. 610, 621]. Кроме того, «частые войны вели к выделению особой группы почитаемых воинов. В эту группу, пользовавшуюся большим авторитетом, могли войти люди вне зависимости от своей кастовой принадлежности» [7, с. 621]. Помимо Полинезии, война поражала собой и менее развитые социальные системы доколониальной Меланезии, где далеко не везде в племенах имелся особый военный предводитель [7, с. 449, 607]. Правда, там «настоящая вооруженная борьба не принимала формы больших открытых сражений» [7, с. 456]. Возвращаясь же к Маркизским островам, следует подчеркнуть, что именно спровоцированная колонизаторами жестокая междоусобная война 1830-х гг. расчистила дорогу французам к установлению владычества над островами, за что их население, в свою очередь, поплатилось практически десятикратным снижением численности в период между 1838 и 1945 гг. [7, с. 555, 673].

Однако главное, на чем, продолжая тему, нужно сделать акцент, — это не древность войны и всего того, что было ею порождено, а ее *преобладающий характер в масштабах истории человечества*. «Войны не исконны. На заре родового строя войн не было, так как условия существования человечества обуславливались крайне низким уровнем развития производства» [2, с. 67]. Присваивающая природа хозяйствования, отсутствие запасов «в сочетании с большими пространствами незаселенной земли, нейтральные территории, разделяющие отдельные племена, создавали крайне замкнутые, изолированные хозяйства и приводили к обособлению отдельных групп населения. Эти причины не способствовали частому общению племен между собой, а следовательно, не создавали почвы для возникновения вооруженных конфликтов. С ростом населения они могли возникнуть лишь в точках соприкосновения двух чуждых племен» [2, с. 67]. Поводы и даже причины первых войн были в основном предельно субъективизированными (вплоть до явственной иррациональности) [2, с. 67; 7, с. 456]. Военнопленные же поначалу могли быть съедены, чаще — убиты или приняты в род, но никогда не порабошались [2, с. 67; 7, с. 457].

2. Изменения в положении войны и армий, начиная со Средневековья

Спустя многие столетия, в продолжение которых значение и авторитет войны лишь возрастали и крепились, по крайней мере в границах Западной цивилизации, политические явления и процессы были постепенно возвращены на положение вторичных — установилось главенство экономики над политикой. Лидерство в плане претворения в жизнь данной тенденции принадлежит, что вполне естественно, Европе, которая всегда была, есть и будет авангардом мирового сообщества.

Конкретизируя означенное, в первую очередь необходимо упомянуть об *установлении фактического перевеса экономических предпосылок для попадания в СПК* (прежде всего — на ее представительном-демократический уровень) *государства над собственными политическими*, которые, как мы выяснили, незадолго до этого носили чисто военный характер. В качестве показательного примера здесь же выступает Англия — государство, которое наряду с Германией во все времена демонстрировало опережающие темпы социального развития среди всех европейских стран⁵.

Несмотря на то что нормандское завоевание 1066 г. не только положило конец истории созывов уитенагемота, но и привело к окончательному завершению феодализации Англии [8, с. 263] и масштабному усилению ее государственной централизации [9, с. 138]; несмотря на враждебность к иноземцам местного ютоанглосаксонского населения, сохранявшуюся до второй половины XII в. и вынуждавшую нормандскую верхушку спланировать вокруг короля как своего военного вождя в подавлении движений местного населения [8, с. 268; 10, с. 50], специфика условий Европы взяла верх, не позволив Англии слишком долго развиваться без полноценного для своего времени общегосударственного представительного-демократического органа [11, с. 111]. Предтечей такового стал совет магнатов, или Великий совет, — собрание крупнейших духовных и светских феодалов Англии, регулярно созывавшееся королем 2–3 раза в год на основе ст. 14 Великой хартии вольностей и обладавшее совещательными функциями [10, с. 292, 335]. И хотя Великий совет даже в начале XIV в. «сохранял самостоятельное существование, не сливаясь полностью с парламентом и деля с ним общие названия „parlamentum“, „colloquium“, „tractatum“» [10, с. 335], именно на его основе в начале второй Войны баронов, в 1258 г., Оксфордскими провизиями был учрежден расширенный совет из 27 баронов, обладавший уже вполне реальными властными полномочиями [10, с. 294]. Сиречь впервые была образована палата лордов, ставшая предшественницей двухпалатного британского парламента [9, с. 138]. Показательно, что уже на собравшийся 22 июня 1264 г. парламент были приглашены по 2 представителя от графств, а в январе 1265 г. — также по 2 делегата от наиболее значительных городов, что являло собой отдаленные прелюдии появления палаты общин. Вместе с тем подобное, конечно же, во многом объяснялось военным временем и нахождением у власти партии Симона де Монфора — союзника рыцарства и средних городских слоев [10, с. 318–319]. В контексте же проводимого исследования гораздо важнее тот факт, что «основу членов [палаты лордов] составляли прямые держатели земель от Короны, приглашаемые личными королевскими письмами; однако фактически основную роль играло имущественное положение соискателя статуса» [9, с. 138]. Это же обстоятельство сказывалось на частоте поступающих приглашений [10, с. 362]. Так, например, из 198 баронов, фигурирующих в издании парламентских документов *Parliamentary writs and writs of military summons* периода правления Эдуарда I (1272–1307 гг.), «только 70–80 регулярно вызывались на парламент, остальные — лишь от случая к случаю» [10, с. 362]. Так что уже во времена складывания в Англии сословной монархии экономическая сила представителей высших социальных страт вышла на первый план как основание для допуска таковых к участию в управлении государством, превалируя над всеми иными аргументами.

Второй момент, во многом прямо проистекающий из обозначенного выше, заключается во *вторичном отмежевании военного сектора СПК и постепенном переводе принципов его организации с детерминативных на вариативные*. В немалой степени эта тенденция повторяла ту, что уже имела место ранее: подобно тому, как в период упадка родовой демократии военные структуры все больше выкристаллизовывались и активным путем обособлялись от гражданской составляющей СПК первобытных социумов, начавшие попадать во все более сильную зависимость от экономики и, таким образом, «демитализирующиеся» ГПС теперь уже сами стали отторгать от себя военный сектор, одновременно — пусть и не для всего военнообязанного населения государства в одночасье — переводя военное дело из долга в занятие исключительно для заинтересованных в нем лиц. И вновь для разъяснения представленного стоит обратиться к ряду нововведений, что были реализованы в Англии времен колоссального для Средних веков усиления королевской власти вскоре после нормандского завоевания.

С окончанием феодализации Англии, давшей специфическую систему прямого вассального подчинения всех феодальных землевладельцев королю [9, с. 138], заверченный вид приобрело также обычное для того времени ополчение, состоявшее из всех тех, кто подпадал под обязанность нести военную службу, — *servitium debitum*. Несмотря на уникальность английской военно-ленной системы, по существу, собираемое таким путем войско было лишь разновидностью системы «вооруженных дружин» [10, с. 60]. В стремлении преодолеть изъяны организуемых подобным образом военных сил, главный из которых состоял в их зависимости от крупнейших феодалов Англии — баронов, Генрих II⁶ положил начало знаменитой военной реформе, одна часть которой заключалась во введении сбора «щитовых денег» с феодалов, обязанных Короне военной службой, при каждом очередном военном конфликте [10, с. 60–61]. Помимо этого, возрастание расходов на содержание рыцарских отрядов, которые ложи-

лись на баронов по *servitium debitum*, после рубежа XII–XIII вв. склоняло таковых, даже будучи вызванными на военную службу, к заключению с королем денежных соглашений и уплате больших сумм денег – *файн*, что позволяло избежать участия в боестолкновениях [10, с. 67]. Таким образом, к концу XIII в. в том сегменте английской конницы, которая участвовала в войнах, в соответствии с установленной обязанностью (т. е. на детерминативной основе), стало в разы преобладать рыцарское ополчение графств, подчиненное через констеблей и шерифов только королю и созывавшееся последними на основе ассизы о вооружении⁷, издание которой в 1181 г. составляло другую часть инициированной Генрихом II реформы [10, с. 67–69]. Не лишним будет добавить, что «щитовые деньги» в принципе сыграли для Короны роль важнейшего финансового инструмента, поскольку «королевский домен, составлявший до середины XII в. главный источник королевских доходов, с этого времени начал молниеносно таять» [10, с. 71] в результате бурного процесса субинфеодации, к чему прибавилась активизация борьбы баронов против злоупотреблений королем сеньориальными правами⁸ [10, с. 72]. Так, «щитовые деньги», фактически падавшие также на все крестьянство Англии [10, с. 72, 76], и *талья*⁹ до второй половины XIII в. приносили львиную долю доходов казны – вплоть до того, как центр тяжести обложения стал слагаться из налогов на движимость, упорядоченно взимаемых таможенных пошлин и доходов от обложения светских владений церкви [10, с. 73, 75–78].

Таким образом, сложившиеся в Англии приемы совершенно легального (и, кстати, также вполне легитимного) ухода дворянства от наказания в виде лишения ленных прав за неисполнение воинского долга [11, с. 110] были довольно конкретными и ясно оформленными, как и сама *servitium debitum*, наличие этого долга диктовавшая. Однако если для разъяснения того, каким образом участие феодалов в войнах стало принимать вариативный характер, Англия в качестве примера подходит воистину идеально, то для рассмотрения изменений, связанных с явлением заведомо более значительного масштаба – *всеобщей воинской повинностью* (далее – *ВсВП*), к таковой обращаться едва ли можно. Последнее объясняется самим фактом складывания в Англии особого режима привлечения в войска широких масс населения.

С рубежа XII–XIII вв. обычным делом стало активное заполнение Короной, увеличившей приток средств за счет «щитовых денег» и *файн*, ниши все более отрешавшейся от регулярного участия в военных походах аристократии с помощью наемных отрядов, которые, однако, набранные из иностранцев (французов, фламандцев, уэльсцев), имели целый ряд принципиально важных недостатков. В связи с этим еще Генрихом II в 1181 г. была издана ассиза о вооружении, предписавшая всем лично свободным жителям приобрести оружие, качество и количество которого ставилось в зависимость от имущественного положения обязанных¹⁰. В число последних, таким образом, попадали не только военные держатели земли, но и все свободные крестьяне, а также горожане. Приказ 1252 г. Генриха III и Винчестерский статут 1285 г. Эдуарда I расширили контингент военнообязанных вплоть до *вилланов*¹¹, а затем и вовсе каждого мужчины в возрасте от 15 до 60 лет. Кроме этого, в разбиении военнообязанных по категориям Винчестерским статутом была заметно повышена упавшая при Генрихе III ценность движимого имущества перед земельным доходом, притом что в 1181 г. они были установлены равными [10, с. 62–64]. Так, формально в историю Англии впервые было вписано введение *ВсВП*, в то же время якобы восстанавливавшее почти утративший к середине XII в. свое значение рудимент военной демократии – пешее ополчение свободных жителей графств, *ютоанглосаксонский фирд* [10, с. 62].

Однако на поверку формальностью являлось не только распространение воинской повинности на абсолютно все слои населения, включая *вилланов*, но и сам ее характер, заведомо далекий от действительно всеобщего [10, с. 65]. С учетом того, что привлекаемые на основании указанных постановлений воины содержались за счет правительственных денег, целью данных нововведений *de facto* было вовсе не возрождение *фирда*, но создание постоянного арсенала наемничества в самой Англии [10, с. 65–66]. Поэтому «в Англии, где свободное крестьянство сохранилось с дофеодалных времен и значительно выросло в течение XIII в., переход к наемничеству и рост значения пехоты наметились несколько раньше, чем в других странах Западной Европы, – с середины XIII в.» [10, с. 69]. «С конца XIII в. англичане и уэльсцы почти полностью вытесняют иноземных наемников из армии, даже среди лучников, военная профессия которых требовала особого опыта и тренировок. <...> Опираясь на [систему всеобщего вооружения свободных жителей], английское феодальное государство к концу XIII в. добило значительного ограничения роли феодального ополчения в организации военных сил страны» [10, с. 66]. Одновременно королевская власть делала ставку на наемных рыцарей и легковооруженных конных воинов (*servientes*), вербовавшихся в основном из числа дворян, отслуживших срок по *servitium debitum*, составлявший, по общепринятому феодальному обычаю того времени, 40 дней в году [10, с. 60, 68]. Так что основным следствием реформы Генриха II, доведенной до конца его преемниками, было создание не истинной регулярной¹², но *наемной* армии, сохранявшей в себе лишь следы старого феодального ополчения [10, с. 68–69].

В итоге рассмотренными преобразованиями в Англии был установлен режим формирования военных сил, не претерпевший принципиальных изменений на протяжении чуть ли не тысячелетия [11, с. 114]. Даже в период зрелого абсолютизма, который, как известно, не только приводит подконтрольную ему страну к осязаемой схожести с «классическими» тоталитарными государствами [5, с. 89],

но и неизменно — где бы он ни складывался — проявляет неумную тягу к экспансионизму в надежде решить внутренние проблемы за чужой счет, английские монархи не считали нужным обременять себя излишеством в виде постоянной армии. «В силу географического положения своего государства, Тюдоры обращали главное внимание на создание сильного военного флота, а армия сохраняла характер старинного ополчения, собираемого и экипируемого за счет свободных подданных короля¹³, в соответствии с их имущественным достатком» [12, с. 207–208]. Во внутренних же делах английский абсолютизм «опирался не на военную мощь, а на утонченную полицейскую организацию» [13, с. 126].

В самом начале XX в. затронутая сторона жизни английского социума также оставалась без изменений: «Англия была коммерческой страной и не знала обязательной военной службы. Армия была наемной и комплектовалась волонтерами» [14, с. 67]. Лишь в обстановке нарастания Первой мировой войны Соединенное Королевство (СК) впервые в своей истории объявило настоящую ВсВП. Подобное событие настолько сильно шло в разрез со взглядами британцев, что призыв вводился не только «с опозданием», но и ступенчато: весной 1915 г. был принят «Акт национальной регистрации», преследовавший целью «установить имена и адреса мужчин, годных к военной службе» [14, с. 68]; окончательно же мобилизация была утверждена только к концу мая 1916 г. [14, с. 70]. Впрочем, этот абсолютно не вписывавшийся в английский менталитет порядок продержался лишь до исчерпания безусловной необходимости в нем и был отменен уже в конце 1918 г. [14, с. 84]. Второй и пока что последний эпизод действия в Великобритании ВсВП, как несложно догадаться, связан со Второй мировой войной и началом биполярного противостояния и представлен интервалом с 1939 по 1963 г., притом что отмена призыва ясно замаячила на горизонте к 1957–1959 гг.¹⁴ [15]. Как видно, и в 1930-х, невзирая на всевозможные предзнаменования надвигающегося военного кошмара [1, с. 128, 134–136], СК сохранило верность установке доводить дело до крайности¹⁵.

Наш обзор явно нельзя было бы назвать достаточным, если бы мы обошли молчанием такую важную фигуру в истории формирования английской армии, как Оливер Кромвель. С именем главного из индипендентов формально связан самый первый намек на введение ВсВП, поскольку в дело организации в 1645 г. «армии новой модели» с точно установленной численностью в 21 500 чел. им был заложен, в числе прочего, «принцип принудительного набора в целях полного укомплектования установленных военных контингентов» [16, с. 186]. Однако отличительной чертой шагов Кромвеля и одновременно его заслугой было не столько приведение армии в соответствие с количественными показателями, сколько прежде всего привнесение избирательности в процесс ее комплектования — «не массового набора, а отбора» [13, с. 128]. Армия «круглоголовых» представляла корпорацию единомышленников, в одно и то же время — войско и секту. <...> Поэтому английская революционная армия представляет нечто совсем иное, чем позднейшая французская революционная армия; не походит она также и на немецких ландскнехтов¹⁶» [13, с. 128]. Но индипендентская армия была распущена уже в конце 1660 г., и у Карла II, взошедшего на престол и, как минимум, поначалу финансово целиком зависевшего от парламента, не было вооруженных сил, за исключением небольшого отряда королевской дворцовой стражи и сравнительно незначительных английских войск в Ирландии и Шотландии [17, с. 127, 134–135].

Так что если уж упоминать Кромвеля в контексте раскрываемой тенденции, то, пожалуй, более оправданно будет вспомнить о «Билле о самоотречении» 1645 г., «согласно которому члены парламента больше не должны были занимать начальственных постов в армии. Ведение войны должно было, так сказать, быть отделено от политики» [13, с. 128]. Так, «Билль о самоотречении» стал документальным закреплением «демилитаризации» ГПС Первой Английской республики. Правда, подчиненность Билля задаче сугубо краткосрочной — освобождению армии от старого не отличавшегося решительностью пресвитерианского командования [16, с. 170, 185–186] — вышла на поверхность уже сразу: Кромвеля, оставленного фактическим руководителем армии¹⁷, действие Билля не коснулось [13, с. 128]. Хотя, конечно же, еще большую иллюзорность установленной иерархии «парламент — армия» продемонстрировали события следующих лет, кончившиеся установлением в Англии режима военной диктатуры под благозвучным наименованием протектората [13, с. 130–131].

Суммируя представленное, следует признать, что революционный XVII в. дал в применении к английской армии лишь одно по-настоящему новое и при этом не сметенное контрреволюцией изменение. С принятием в 1689 г. «Билля о правах» доселе по большому счету независимый в военных вопросах король лишился права набирать и содержать войско в мирное время иначе, как с согласия парламента¹⁸ [17, с. 158]. Недооценивать значение этого завоевания не стоит: прерогативы короля в делах, касающихся армии, не раз становились основой для более чем жарких дискуссий. Непосредственным предлогом к самой Первой гражданской войне во многом как раз и был вопрос о подчинении комплектуемых в графствах войск, а также военных складов и крепостей [13, с. 127; 16, с. 160]. Утвержденный 5 марта 1642 г. Долгим парламентом «Билль о милиции», закреплявший за таковым право на контроль над вооруженными силами, фигурировал (п. 9) и в ультиматуме королю от 2 июня 1642 г., известном как «Девятнадцать предложений», которые стали политической программой парламента накануне войны. Карлу I, пребывавшему с 10 января в Йорке, оставалось противопоставить этому лишь сбор в мае и июне войск с использованием формы старых приказов о созыве ополчения (the commissions of array), в связи с чем п. 16 ультиматума парламента был посвящен «предложению»

распустить военные отряды, набранные без его согласия. Наконец, на изданный королем 16 июня общий приказ о наборе Лондон 12 июля ответил постановлением об образовании парламентской армии под начальством графа Эссекса [16, с. 159–160, 162–163].

Наряду с указанным стоит также уделить внимание еще одной смежной детали, касающейся самого факта допуска английского абсолютизма до обладания пусть даже наемной армией. Тюдоры делали ставку на военный флот не только из-за островного характера государства, но и по причине нежелания парламента отпускать средства на содержание сухопутных войск. Истинная же боевая ценность графских ополчений, использование которых было, как минимум, территориально ограничено областью их сбора, была с момента появления таковых ничтожна [11, с. 114; 13, с. 126]. Несмотря на роспуск выпестованной Кромвелем армии, воцарившийся на престоле в 1685 г. Яков II практически сразу получил от парламента крупную субсидию на военные цели ввиду начавшихся восстаний виггаморов и герцога Монмаута. В свете всего этого вполне логично выглядит то, что один из пунктов манифеста Монмаута состоял в уничтожении правительственной армии и сведении ее функций к милиции [17, с. 147–148]. По сути дела, герцог апеллировал к старинному положению дел, состоящему в том, что феодальная повинность *servitium debitum* находила настоящее применение лишь при крупных внешних или внутренних военных проблемах, но отнюдь не в случае очередной междоусобицы [11, с. 109]. Представленное важно еще и потому, что факт реанимации королевской армии с немалой католической составляющей сыграл существенную роль в дальнейшем усилении абсолютистской реакции при Якове II и, как следствие, приближении Славной революции [17, с. 149–152].

Все вышеперечисленные обстоятельства, связанные с порядком формирования армии в Англии, довольно резко контрастируют с тем, что имело место на континенте¹⁹ в Средние века – начале Нового времени, когда Европа все еще продолжала оставаться ареной для бесчисленных, вялотекущих войн, что с середины XI в. даже усилилось [1, с. 123–124, 131]. «Характер войн, значительность и масштабность военных операций ставили вопрос о постоянных армиях и об их расширении, о привлечении на военную службу не только горожан и крестьян, но и наемников. <...> Со второй половины XVI в. европейские монархи стали активнее переходить к рекрутским наборам. Этому способствовали укрепление абсолютистских государств, а также истощение рынка наемников»²⁰ [12, с. 313]. Однако история возникновения на континенте армий, набранных в соответствии с настоящей ВсВП, во многом не менее витиевата, чем для Англии, хотя и заведомо более односложна.

В главном государстве раннесредневековой Европы – государстве франков – ВсВП продолжала существовать по инерции от стадии военной демократии вплоть до времен ближайших потомков Карла Великого [11, с. 8]. Но «в большинстве случаев призывы являлись фикцией, служившей законным поводом для короля взимать налоги со свободных и вместе с тем охранявшей последних от произвольных злоупотреблений этим правом со стороны чиновников» [11, с. 11] – принцип, неизменно всплывающий на протяжении всего Средневековья²¹ [8, с. 246; 11, с. 13]. «Лишь в ландштурме, т. е. в призыве ополчения для защиты страны при вторжении неприятеля²², ВсВП надолго еще сохранилась» [11, с. 8]. Против этого, в условиях активной феодализации государства, сбор армии шел в основном за счет призыва королем сеньоров вместе с их вассалами, которые уже с конца VI в. играли решающую роль в войнах Меровингов [11, с. 10, 13]. Таким образом, в данный период наиболее важным изменением выступал переход от одной детерминанты формирования войск – полноценной первобытной ВсВП – к ее преемнице, а именно – обязанности, продиктованной вассально-ленной зависимостью.

Заметим, что указанное шло нога в ногу с естественным усилением экономизированности социума. Подобно начавшемуся в Англии XV в. процессу становления «нового дворянства», или джентри («Джентльмены, которые привыкли воевать, теперь большей частью становятся добрыми земледельцами и так же хорошо стараются предельно улучшить свои земли, как фермеры и крестьяне» [12, с. 202]), оседание во франкском государстве значительной части населения было сопряжено с ее выпадением из военного сословия, что, однако, практически всегда дополнялось утратой полной личной свободы [11, с. 8–10, 13].

Немного расширим сказанное также тем, что при Карле Великом институт действительно постоянной армии находит яркое выражение в виде учреждения немногочисленной, но весьма боеспособной стражи – скары, или лейб-гвардии, состоявшей преимущественно из молодых и всегда неоседлых воинов. Состоя лично при императоре и содержась на одинаковом положении с его двором, скара представляла собой прообраз крупного наемного войска²³, создание которого в тех условиях было пока еще невозможно в силу неразвитости налоговой системы и господства в империи Каролингов натурального хозяйства [11, с. 16–17, 320].

Еще одним важнейшим прецедентом в продвижении континентальной Европы к регулярным армиям выступают плоды реформ Карла VII²⁴ во Франции, сильнейшим образом страдавшей от расплывшихся во время Столетней войны и бесчинствовавших наемных банд [8, с. 248; 11, с. 319]. Их основой стало закрепление за королем на общем собрании государственных чинов в Орлеане 1439 г. двух монополий: на превращавшуюся в постоянный налог талью, которая до этого взималась также и сеньорами, и на армию, исключая оставленное за феодалами право держать гарнизоны в собственных замках [8, с. 257; 11, с. 319]. После этого, в 1445 г., были изданы ордонансы, в соответствии с которыми состоялась организация рот, так и названных – ордонансовые. Они были постоянными, однако постоянство их обеспечивалось наконец-таки отлаженным налогообложением и, как следствие,

регулярностью оплаты, но не какими-либо вариациями с воинской повинностью [11, с. 319–320, 322]. Этим ордонансовые роты напоминали скару.

Кроме того, указ 1448 г., уже прямо имея отсылку ко ВсВП, вводил институт франк-аршеров – вольных стрелков, представлявших собой мужчин, каждый из которых выставлялся 50 хозяйствами. Находясь в ведении представителей короля (капитанов), франк-аршеры снаряжались за счет общины, но при этом в мирное время освобождались от всех податей, кроме налога на соль и особых военных налогов, а при призыве на войну получали от правительства ежемесячное жалованье. Однако в силу низкой боевой эффективности такой практики последняя была на деле свернута уже преемником Карла VII, Людовиком XI [11, с. 321, 323].

В отличие от франк-аршеров, ордонансовые роты утвердились на долгое время, вместе с тем являясь, по причине самой своей организации с «копьем» (т. е. небольшим отрядом в несколько человек вокруг рыцаря) в качестве элементарной единицы, завершающим аккордом развития армий в Средние века [11, с. 323, 326]. Но и это не главное, поскольку ордонансовые роты были слишком малочисленны, и посему наиболее значимый – собственно практический – результат реформ Карла VII заключается в переводе феодального ополчения на рельсы регламентированного наемничества с правильным разбиением на роты и дифференцированной оплатой, поставленной в зависимость от приносимого с собой вооружения [11, с. 322].

Наконец, указанные выше причины дали во времена возвышения Швеции при Густаве II Адольфе (1611–1632 гг.) армию, организованную на основе настоящей, хотя и не поголовной ВсВП: при посредничестве духовенства стали составляться посемейные списки всех мужчин старше 15 лет, в соответствии с которыми местные власти по своему усмотрению рекрутировали каждого десятого крестьянина. При этом, однако, офицерский корпус составлялся дворянами [12, с. 266–267; 13, с. 120]. Примечательно, что «содержание армии возложили в виде натуральных поставок и обязанности постоя на жителей тех мест, где размещались воинские части» [12, с. 267], что на первый взгляд несколько архаизировало шведскую армию и сближало ее с ордонансовыми ротами, которые также кроме регулярного жалованья получали натуральные довольствия от провинций²⁵ [13, с. 162]. Помимо этого, «страну поделили на военные округа, в каждом из которых формировался территориальный полк. Армия проходила серьезное обучение. Был создан образцовый для своего времени военно-дисциплинарный устав» [12, с. 267]. Как и «круглоголовые» Кромвелля, армия Густава II Адольфа, появившись в эпоху борьбы уже свершившейся Реформации за право на существование, имела «национально-шведскую базу и еще в большей мере протестантско-лютеранское настроение» [13, с. 123]. И конечно же, в условиях начала Нового времени постоянство шведской армии обеспечивалось ничуть не меньше, чем ВсВП, достижениями в оружейном деле и тактическими новшествами Густава II Адольфа, упорядочившими взаимодействие пехоты, кавалерии и артиллерии [12, с. 267; 13, с. 121–122].

Уделив немало внимания складыванию постоянных армий, мы, переходя к теперешнему статус-кво, ограничимся лишь несколькими тезисами и начнем с того, что еще раз подчеркнем – вопрос, касающийся самой сути постоянной армии, является не вполне однозначным. Прежде для оценки константности войск имели значение такие факторы, как регулярность выделения средств на содержание (*в т. ч. в мирное время*) и их характер (денежный, натуральный), подчиненность войск ГПС и управление ими, состав армии и степень его отличия от обычного для Средневековья рыцарского ополчения и даже ряд откровенных частных, вроде специфики строевых занятий и уровня дисциплинированности [11, с. 326; 13, с. 108–112, 160–163]. Все это неудивительно. Систематизация оплаты военной службы, а после нее – разделения, по существу, гомогенной феодальной армии на различные, самостоятельные роды войск и отладка их совместных действий на этапе отживавшей свои последние дни феодальной формации значили действительно очень много. Но первый момент здесь, естественно, выступал первоочередным.

Ранее мы обращались к тому факту, как по большому счету провальные для Франции Итальянские войны 1494–1559 гг. обернулись для нее затянувшимися на столетие военными проблемами уже на собственной территории [1, с. 139–140]. Примерно то же самое постигло за век до этого Англию, вышедшую из Столетней войны с единственным приобретением в виде войны Алой и Белой розы (хотя еще до этого порожденные военным временем тяготы – прежде всего непомерный рост налогов²⁶ – привели к восстаниям Уота Тайлера и Джека Кэда [8, с. 283, 285, 287, 291]). Картина полностью закономерная, ведь одним из основных занятий для реакционной старой знати «был военный грабеж Франции в Столетней войне и даже прямые грабежи на большой дороге» [8, с. 289]. Так что окончание той размахистой авантюры «значительно сократило доходы феодальной аристократии от оплаты их военных услуг, пожалованных им во Франции земель, выкупов за пленных, мародерства» [8, с. 292], после чего дворянство сфокусировалось на борьбе за контроль над ГПС, в т. ч. с целью расхищения казны [8, с. 289, 291, 292]. «Впрочем, для многих феодалов [война Алой и Белой розы] была лишь предлогом для разбоя и усиления своей политической самостоятельности. Они легко переходили из одного лагеря в другой после каждой перемены военного счастья» [8, с. 292]. Вдобавок подчеркнем, что все указанное было актуально в основном для «старого дворянства»²⁷, по преимуществу как раз и состоявшего из потомков прежней знати [8, с. 289, 292], для которых междоусобная война 1455–1485 гг., между прочим, стала отправной точкой их социального и даже физического уничтожения,

достигшего значительных масштабов [5, с. 100]. Так, жажда наживы путем военного грабежа нашла осязаемое возмездие. И добавим же буквально одно красноречивое уточнение, состоящее в том, что среди причин Столетней войны и возраставшей с конца XIV в. феодальной анархии было отмирание в это же время в Англии барщинного манора, являвшегося для «старого дворянства» основным и, по сути, единственным экономическим источником доходов [8, с. 281, 287, 289, 291].

Постепенно армия как явление, статика, и война как главный связанный с этим явлением процесс, динамика [18, с. 28], все больше возвращались в лоно политики – в пределы, как мы показали выше, строго обозначенного и отделенного от гражданского сектора СПК²⁸ сектора военного. Современный уровень развития экономики²⁹ имеет одним из следствий то, что постоянство армии зиждется не на возможности регулярной выплаты жалованья, а на непосредственной исходящей от ГПС *юридической* основе – предписании, или повинности. По мере приближения к сегодняшним дням война все сильнее теряет качество «прибыльного предприятия» – во всяком случае, для широких масс населения, – чтобы принципы комплектования армий оставались, по сути, в основном экономическими. Война перестала быть сама по себе предприятием в такой мере, как было раньше, уступив место предприятиям без кавычек – экономическим. Произошла деэкономизация³⁰ войны и армии.

Наконец, ставя точку в пояснении к затронутой тенденции, мы должны, обратившись ко вполне общеизвестному факту, пояснить, почему заключительная ипостась детерминативного порядка формирования вооруженных сил, т. е. ВсВП, не являла собой принципиально конечный вариант способа комплектования армий. Как известно, ныне подавляющее большинство развитых стран отказалось от ВсВП в пользу службы по контракту. Исключения здесь единичны и большей частью сведены к таким внеблоковым государствам, как Швейцария и Австрия, а также близким к подобному положению государствам Скандинавии³¹ (прежде всего Швеции и Финляндии). Ситуация с обращением ГПС к ВсВП уже доходит до того, что последняя начинает становиться одним из приемов популизма. Так, Литва в марте 2015 г. вначале на 5 лет, а с 21 июня 2016 г. – бессрочно ввела отмененную в 2008 г. ВсВП, дополнив этот шаг утверждением в марте 2016 г. новой военной стратегии, в соответствии с которой «действия РФ разрушают систему безопасности в Европе, а вероятность военной агрессии против Литвы „уже не является теоретической“» [19]. И хотя прибалтийские государства тяготеют к Северной Европе, что, среди прочего, выражается в их статусе наблюдателей при Северном совете, во-первых, все они – в первую очередь члены ЕС и НАТО, а во-вторых, в Латвии после отмены ВсВП в январе 2007 г. реанимации таковой не произошло.

Также отметим, что к столь основательно раскрытой нами закономерности примыкает другое узловое изменение, заключающееся в *выраженном переходе военного сектора СПК к роли не производительно потребляющего* [20, с. 13]. Вернее, эта тенденция вклинивается в рассмотренную выше: «демилитаризация» ГПС выступает по отношению к ней по меньшей мере одной из причин, а перевод существования военного сектора СПК на вариативные начала – следствием.

Однако сама «демилитаризация» ГПС как в конечном счете следствие углубления развития экономики была сопряжена с еще одним важнейшим проявлением такового. Мы уже не единожды отмечали, что *Европа в период с 1815 по 1945 г. осуществила планомерный уход не только от войн между составляющими ее государствами, но и от революций*³² [1, с. 141; 18, с. 34]. Одними из стратегических ориентиров для самих появившихся в XX в. мировых правительств – Лиги наций и ООН, в первом из которых имела место однозначная гегемония европейцев, выступали и выступают всестороннее противодействие военной агрессии вообще и борьба за разоружение в частности, а значимой и показательной предтечей образования Лиги наций были Гаагские конференции мира 1899 и 1906–1907 гг., прошедшие в рамках пацифистского движения и ставшие первым – пусть и еще очень призрачным – опытом международного императивно-правового регулирования [21, с. 254–257, 262–265, 268].

И как это для некоторых ни странно, одним из главных подтверждений только что обозначенного и уже 70 лет как свершившегося факта является НАТО. Объяснение этому кроется в том, что среди главных требований к государству-кандидату в члены Альянса значатся отсутствие иностранных военных баз и, что еще более важно, территориальных споров с соседями [22]. Так что, вне зависимости от возможных разногласий между странами НАТО даже в рамках совместной операции [1, с. 136], их армии никогда не направят оружие одна против другой. Ранее мы отмечали, что в 1974 г. этому было предоставлено более чем убедительное подтверждение в виде срыва агрессивных намерений хунты «черных полковников» разжечь войну с союзником по блоку, Турцией [1, с. 141]. Теперь же дополним обращение к данному прецеденту, указав на то, что уже после падения милитаристского правительства «14 августа 1974 г. Греция объявила о выходе из военной организации НАТО и ликвидации ряда американских баз на своей территории» [23, с. 93]. Однако в 1980 г. Греция вернулась в покинутые структуры, а 9 сентября 1983 г. споры с США по поводу военных баз завершились подписанием соглашения, которое, в числе прочего, разрешало использование баз только в оборонительных целях [23, с. 94]. Вместе с тем ВсВП сохраняется в Греции поныне.

В свете означенного особый смысл приобрели территориальные пересмотры в ряде стран СНГ. На современном этапе это привело к тому, что соответствующие внутренние политические конфликты (далее – ВнПК) стали средством [24, с. 75–77], используемым Россией, прежде всего дабы пресечь дальнейшее – опасное, на ее взгляд, – расширение Североатлантического альянса³³. Так, в частности,

«Молдова не смогла войти в НАТО вслед за соседней с ней Румынией, благодаря нерешенному конфликту и поддержке ПМР из Российской Федерации» [24, с. 76]. Аналогично не довольствуясь проистекающим из Декларации о государственном суверенитете Украины нейтралитетом и неучастием в военных блоках [22], Россия предпринимает шаги по преобразованию этих слов в дела «с гарантиями того, что такое положение будет долгосрочным» [24, с. 76].

Наконец, с ракурса проводимого исследования необходимо уделить внимание еще одному требованию, которое предъявляется к государству-кандидату в члены НАТО: пост министра обороны должны занимать только гражданские лица [22]. И означает это, что зависимый статус военного сектора СПК обеспечивается не только совмещением постов верховного главнокомандующего и главы государства, но и, в дополнение к этому, «демилитаризованностью» руководителя военного сектора. Вся эта конструкция, с точки зрения современного человека, выглядит чем-то самим собой разумеющимся, однако, как показывает историческая практика, к таковой еще нужно было прийти. И, перенесясь напоследок еще раз в Англию XVII в., обозначим следующее. Неподготовленность и даже непригодность к управлению государством второго и последнего протектора в истории Англии, Ричарда Кромвелля, вылилась уже через шесть недель после смерти его отца в то, что «генералы потребовали <...> назначения отдельного главнокомандующего армии, хотя по конституции 1653 г. должности протектора и главнокомандующего армии были неотделимы. Это требование фактически грозило превратить армию в государство в государстве, сделать ее совершенно независимой от гражданской власти» [17, с. 123]. Несмотря на то что протектор, весомо уступив, сделал генерала Флитвуда своим помощником в качестве генерал-лейтенанта армии, а на рубеже 1658–1659 гг. созвал в противовес Военному совету новый – «послушный» – парламент, политика последнего в отношении армии вынудила таковую в очередной раз подтвердить принадлежность ей последнего слова. Первого нововведения хватило для того, чтобы лондонские полки оказались в руках Флитвуда, так что под нажимом собравшихся в столице в начале апреля 1659 г. офицеров 22 числа был распущен парламент, а в начале мая ушел в отставку и сам Ричард Кромвель [17, с. 123]. Вообще говоря, вся история взаимоотношений парламента и армии в Англии XVII в. очень точно передается репликой генерала Ламберта в его беседе с членами сначала восстановленного 7 мая 1659 г. Военным советом, а затем 13 октября им же разогнанного «охвостья» Долгого парламента: «Я не понимаю, почему офицеры должны зависеть от милости членов парламента, а не наоборот, – последние от милости армии» [17, с. 124].

И все же, несмотря на те прогрессивные изменения антимилитаристского характера, которые были разобраны выше и в Европе уже стали состоявшимися фактами, даже в передовой области мира война не ушла в прошлое полностью. Одно из подтверждений этому – наступательные операции НАТО рубежа XX–XXI вв. [1, с. 122, 136]. Кроме того, как уже было нами обозначено прежде, вновь возникшей угрозой, расшатывающей устои мирной жизни, в т. ч. в Европе, стали неоекстенсивно-политические процессы, по определению вырастающие из ВнПК этнополитической природы. По сути, в этом случае идет речь о войне против определенной – приобретшей национальную специфику – группы населения формально единого государства, санкционируемой соответствующим правительством [1, с. 141]. Вместе с тем все-таки неоекстенсивно-политические процессы – это пока что в большей степени редкость, порожденная новейшими условиями. Участие же европейцев в наступательных операциях НАТО, кои пока также отнюдь не многочисленны, во-первых, не всегда является преобладающим и даже просто значительным (к примеру, нынешнее присутствие войск НАТО в Афганистане в основном обеспечивается армией США [1, с. 140]), а во-вторых, может быть связано с серьезными расхождениями во мнениях по поводу кампании, как было в 1999 г. во время вмешательства в косовский конфликт [1, с. 136].

Тем не менее в мировом масштабе войны продолжают сохранять злободневность, на что в немалой степени указывает положение дел в современной Африке – континенте, бурлящем от межгосударственной вражды [1, с. 124, 138]. «Примечательно, что чаще всего войны в Африке развиваются как раз на основе ВнПК, зачастую этнополитических» [1, с. 124]. Это обуславливает оправданность обращения науки к данным проблемам и одновременно служит одним из оснований для настоящего исследования. Во второй его части мы затронем непосредственные аспекты общего и частного в вопросах инициации войн на основе ВнПК.

Примечания

¹ В буквальном смысле – от слова «обычай».

² Термин «коллора́ция» связан с латинским глаголом *collaborare*, который дословно означает «сотрудничать» (в данном случае также стоит обратить внимание на латинизм английского языка *labour* со значением «труд, работа, трудиться»). Присутствующий же в таких лексических оборотах, как «международные отношения», «экономические отношения», термин «отношения» в плане словообразования связан с глаголом *относить*, не несущим в своей семантике направленности на некую новизну, производительность: глагол *относить* семантически связан с перетасовкой, перемещением ресурсов, но не с их созданием. Так что, невзирая на всю необычность использования термина «коллора́ция» в упомянутом контексте, объективно обращение к нему при построении затронутых лексических конструкций более уместно и корректно.

³ Используя данное обозначение для государств Англии Раннего Средневековья, мы неизменно преследуем цель подчеркнуть ту архиважную роль, которую сыграли юты в истории Англии и ее продвижении к положению единого государства. Здесь достаточно сказать, что Кент — бывший основным ареалом иммигрировавших на Британию ютов, где ими было образовано королевство, — стал первым лидером среди ранних германских государств Англии (в конце VI — начале VII в.) и первой христианизированной областью. Последнее обстоятельство до сих пор отражено в структуре клерикальной сферы Англии, центром которой как раз и является архиепископство Кентерберийское (по отношению к которому Северное — Йоркское — архиепископство занимает позицию «младшего»).

⁴ См. далее.

⁵ Об однозначной принадлежности к Европе здесь можно говорить только с географической точки зрения. В силу целого ряда оснований (прежде всего геополитического характера), Англия (вместе с Уэльсом, но без Шотландии и, очевидно, Северной Ирландии), безусловно, должна и может быть названа частью Западной цивилизации, но, вместе с тем, частью Европы — лишь до известной степени. Уместным делом здесь будет обратить внимание на то, что, по причине указанного, выход Соединенного Королевства (СК) из Евросоюза (если, конечно, таковой действительно состоится) не должен расцениваться как сигнал и, тем более, прецедент, свидетельствующий о скором распаде данного сверхсодружества. Достаточно вспомнить, что само вступление СК в ЕС вылилось в многолетний, наводненный всяческими единственными в своем роде моделями процесс, известный как «борьба за Европу», который по ряду параметров так и остался половинчатым (самым известным подтверждением этого, пожалуй, выступает отказ СК от участия в еврозоне, *de facto* являющейся одной из важнейших составляющих Евросоюза).

⁶ Правил в 1154—1189 гг.

⁷ См. далее.

⁸ Подобное отчасти объяснялось тем, что как раз ко второй половине XII в. ослабело противодействие нормандским захватчикам со стороны ютоанглосаксов — см. выше.

⁹ Tallagium — побор, со времен Генриха II более или менее регулярно взимавшийся с городского и сельского населения королевского домена.

¹⁰ В этом обстоятельстве состоит еще одно подтверждение представленной выше закономерности о начале преобладания результатов экономической деятельности над результатами деятельности политической в определении социального статуса субъекта. Также при оценке затронутого факта следует учитывать не только еще всецело сохранявшийся в ту пору характер войны как «ремесла» и «прибыльного дела», но и наличие лишь первых признаков «демилитаризации» ГПС. Следовательно, допуск в военный сектор — а все обязанные иметь оружие к тому же должны были принести королю присягу в том, что «будут хранить это оружие для службы ему, согласно его повелению и для соблюдения верности государю-королю и его королевству», — уже в какой-то мере означал допуск в ГПС.

¹¹ Лично зависимые крестьяне Англии.

¹² Относительно данного наименования в литературе из раза в раз встречается терминологическая неточность. Едва ли «регулярной» или «постоянной» можно называть армию, укомплектованную из наемников, а не на основе воинской повинности. В пользу правильности такого взгляда отчетливо свидетельствуют изменения в организации военных сил на европейском континенте, речь о которых пойдет ниже.

¹³ Это вместе с тем не означало, что воины не получали плату от правительства за несение военной службы (как было во времена существования ютоанглосаксонского фирда — до нормандского завоевания). Такой — можно сказать, дифференцированный — характер расходов на содержание армии установился еще самой военной реформой Плантагенетов.

¹⁴ Заметим также, что железным аргументом против ВсВП определено было вхождение СК в 1952—1957 гг. в число «старых» ядерных держав.

¹⁵ При этом, конечно, нужно признать, что свои коррективы вносила сама проводившаяся Н. Чемберленом «политика умиротворения»: вряд ли премьер-министр, заявивший, что он привез 30 сентября 1938 г. из Мюнхена «мир для целого поколения», смог бы внятно объяснить, зачем в таком случае Великобритании никак это не подтверждающая, да еще и насквозь чуждая ей мера. Все, что оставалось СК, — это вяло заниматься с конца 1936 г. перевооружением армии, а затем — с рубежа 1938—1939 гг. — тем же самым, но уже спешно, если не сказать судорожно.

¹⁶ Нем. *Landsknecht* (от *Land* — «земля, провинция» и *Knecht* — «слуга; батрак») — наемные солдаты из германских государств.

¹⁷ См. также далее — конфликт времен протекторства Ричарда Кромвеля.

¹⁸ Обратим внимание на то, что здесь речь идет именно о праве, т. е. о самой возможности: ранее парламент также мог отрезать королю путь к таким мероприятиям, однако лишь косвенно — через отказ в финансировании — см. далее.

¹⁹ В очередной раз мы делаем акцент на том, что обозначение «континентальная Европа» не должно пониматься буквально: Шотландия и Ирландия социально также принадлежат к европейскому континенту. Безусловно, с ракурса проводимого исследования нужно подчеркнуть, что Шотландия — эта одна из классических поставщиц наемников — поверхностно близка Англии, социальная структура которой, как было отмечено выше, имела характерной чертой, подобно положению дел в Шотландии, широкую прослойку свободного крестьянства. Правда, причины наличия последней в Шотландии, а именно — ограниченность феодализации и присутствие обширных областей с застойной аграрной экономикой, сходны с таковыми для Швейцарии. От силы — для той части Англии, которая некогда составляла «область датского права» — Денло (в особенности —

севернее Линкольншира и Ланкашира, включая их, а также Норфолк и Суффолк на крайнем востоке) и Английскую Нортумбрию, но никак не для твердыни английской государственности – южнобританского треугольника «Кент – Сомерсет – Чешир».

²⁰ Данная цитата, приведенная нами без каких-либо вставок с поправками и уточнениями, служит конкретным доводом в пользу неправомерности оценки состоящих из наемников армий в качестве постоянных. Как только приток волонтеров стал иссякать, «постоянный» характер укомплектованных на подобной основе армий начал все больше проявлять свою несостоятельность.

²¹ Ср. выше – введение в Англии «щитовых денег» и системы формально всеобщего вооружения свободных жителей.

²² Аналогом ландштурма (или ландвера) во Франции был аррьер-бан, ставший той правовой основой, к которой была сведена воинская повинность феодалов после закрепления за королем монополии на содержание войск, – см. далее.

²³ Есть все основания оценивать скару именно подобным образом, поскольку ее составляли, как было отмечено, свободные воины, исполнявшие взятые на себя обязательства за счет ГПС. Таким образом, положение воинов этого отряда, очевидно, было аналогичным положению тех английских рыцарей, которые, начиная с реформ Плантагенетов, исполняли воинскую повинность по *servitium debitum*, после чего оставались в армии за поступающую от правительства плату. Поэтому скара была постоянным войском все-таки по факту, но не по сути.

²⁴ Правил в 1422–1461 гг.

²⁵ Все это служит отличным подтверждением того, что все средства хороши не только на войне, но и в деле доведения армии до характера постоянной, а следовательно, присутствие натурального субсидирования в структуре шедших на содержание армии средств не должно восприниматься как по-настоящему весомый и тем более решающий аргумент в пользу отклонения последней в статусе регулярной – см. далее.

²⁶ Это же обстоятельство значителен в числе тех, что в самой жертве английской агрессии стали в период войны толчком к Жакерии 1358 г., протестным движениям 1370–1380-х гг. и восстанию кабошьенов 1413 г.

²⁷ Ср. выше с «новым дворянством» Англии.

²⁸ В данном случае обозначение «гражданский сектор СПК» следует расценивать в качестве синонима ГПС.

²⁹ Хотя, конечно, здесь также имеет значение совершенство государственного управления, в частности столь важной для организации постоянной армии фискальной политики. Но откуда могут на полупустом месте взяться налоги и иные поступления в казну, хотя даже методы их сбора, обработки и распоряжения ими будут безупречно отточены?

³⁰ Безусловно, война и армия никогда не были собственно частями системы экономической коллаборации, так что под «деэкономизацией» здесь имеется в виду потеря ими прямого активного влияния на экономику (подробнее см. ч. III).

³¹ Этим Северная Европа довольно сильно разнится с континентальной, к чему также примыкает факт наличия особой скандинавской правовой системы. В силу этих, а также еще ряда причин скандинавские государства несколько отличны от «классических» континентально-европейских, хотя, естественно, не в такой степени, как геополитически самобытная Англия и также выделяющаяся на континенте – бывшая некогда окруженной Францией и поясом ее союзников из состава «Восточного барьера» (в число которых, между прочим, входила Швеция) – Германия.

³² На первый взгляд как исключения здесь фигурируют революция 1974 г. в Португалии, внутренние политические конфликты в Греции 1944–1949, 1967, 1973 и 1974 гг., падения тоталитарных режимов в Восточной и Юго-Восточной Европе, из числа которых за настоящую революцию в тех условиях можно было считать разве только события 1989–1990 гг. в Румынии, а также последовавшие за ними распады Чехословакии и Югославии – также несоизмеримые по своей остроте (события 1968 г. во Франции мы в эту группу намеренно не включаем). Плюс в какой-то мере нужно упомянуть о восстании 1956 г. в Венгрии и «Пражской весне», равно как и о выступлениях 16–17 июня 1953 г. в ГДР (кризис в Польше рубежа 1970–1980-х мы сознательно выносим из этого списка). Но, во-первых, конфликты 1980–1990-х гг. представляли собой процессы вполне предсказуемые. Во-вторых же, все обозначенное, что применимо даже к ГДР как к части Германии, временно попавшей под сюзеренитет СССР, касается различных участков европейской периферии, историческое развитие которых отнюдь не тождественно историческому развитию европейского центра.

³³ Мотивы России надлежит толковать именно подобным образом, во-первых, потому, что подогревание ВнПК в соседних с ней странах, безусловно, рушит их планы по вступлению в НАТО, а также ЕС, но одновременно все равно отдаляет их от РФ экономически. Во-вторых, расширение НАТО здесь должно пониматься как, несомненно, первостепенная причина, в силу того что речь идет именно о военном блоке, противостоящем России, по большей части вследствие его проамериканского характера. Мы хотели бы сделать особый акцент на следующем: тот факт, что США и многие из европейских государств состоят в НАТО, еще не означает наличия фундаментальной близости между ними. Геополитически США имеют больше общего, пожалуй, с современной Россией, чем с Евросоюзом (хотя он и лишен полной однородности, в первую очередь из-за яркой социально-экономической обособленности Германии и Великобритании), что в немалой степени и объясняет эту конфронтацию. Привлекая один из постулатов биологии, здесь нельзя не отметить: из всех видов борьбы за существование наиболее ожесточенной является внутривидовая.

Библиографический список

1. Васильев В. Трансформация внутренних политических конфликтов в войны: номотетика и конкретика // *Международная жизнь*. 2018. № 1. С. 121–145.
2. Редер Д.Г., Черкасова Е.А. *История древнего мира: в 2 ч.: учеб. пособие для студ. ист. факул. пединст.* / под ред. Ю.С. Крушкол. Ч. 1: Первобытное общество и Древний Восток. М.: Просвещение, 1979. 288 с.
3. Вдовина Л.Н., Козлова Н.В., Флоря Б.Н. *История России с древнейших времен до конца XVII века* / под ред. Л.В. Милова. М.: ЭКСМО, 2006. 768 с.
4. Васильев В.А. Базовая схема управления этнополитическими конфликтами (Часть вторая. Историко-материалистические основания) // *Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. ст. по матер. XLIX Междунар. науч.-практ. конф.* М.: Интернаука, 2016. № 4 (44). С. 155–179.
5. Васильев В.А. Систематизация этно- и религиополитических конфликтов в иудаизме // *Внешние и внутренние региональные конфликты в современном обществе: тенденции развития и возможности управления* / под ред. А.Г. Большакова, Т.З. Мансурова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 84–114.
6. Милов Л.В., Цимбаев Н.И. *История России XVIII–XIX веков* / под ред. Л.В. Милова. М.: ЭКСМО, 2006. 784 с.
7. *Народы мира. Этнографические очерки* / под общ. ред. С.П. Толстова. Народы Австралии и Океании / под ред. С.А. Токарева, С.П. Толстова. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 854 с.
8. *История средних веков: в 2 т.: учеб. для вузов по спец. «История»* / под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. Т. 1. М.: Высш. шк., 1990. 495 с.
9. Васильев В.А. Движение за независимость Шотландии. Ретроспективный анализ и современное состояние // *Свободная мысль*. 2014. № 5 (1647). С. 135–148.
10. Гутнова Е.В. *Возникновение английского парламента*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 581 с.
11. Дельбрюк Г. *История военного искусства в рамках политической истории: в 4 т. Т. 3. Средневековье*. СПб.: Наука, Ювента, 1996. 448 с.
12. *История средних веков: в 2 т.: учеб. для вузов по спец. «История»* / под ред. З.В. Удальцовой и С.П. Карпова. Т. 2. М.: Высш. шк., 1991. 400 с.
13. Дельбрюк Г. *История военного искусства в рамках политической истории: в 4 т. / пер. А.К. Рачинский. Т. 4. Новое время*. СПб.: Наука, Ювента, 1997. 368 с.
14. Зильбер И. *Тайные средства борьбы* / сокр. пер. с франц. М.: Воениздат, 1948. 104 с.
15. *Обязательная военная служба в Британии: за и против*. URL: https://www.bbc.com/russian/uk/2015/06/150529_britain_national_service_last_man (дата обращения: 16.05.2018).
16. *Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. Т. 1*. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 496 с.
17. *Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. Т. 2*. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 385 с.
18. Васильев В.А. Комментарий к статье «Базовая схема управления этнополитическими конфликтами (Часть первая)» // *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2017. № 4. С. 27–37.
19. *В Литве вернули обязательный призыв в армию*. URL: https://lenta.ru/news/2016/06/21/litva_prizyv (дата обращения: 29.04.2018).
20. Васильев В.А. Базовая схема управления этнополитическими конфликтами (Часть 3. Номотетика управления этнополитическими конфликтами) // *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2016. № 3. С. 12–24.
21. Пономарев М.В. *История стран Европы и Америки в Новейшее время: учеб.* М.: Проспект, 2010. 416 с.
22. Крамник И. *Как вступить в НАТО: процедурные вопросы*. URL: <https://ria.ru/analytics/20080403/102859189.html> (дата обращения: 01.05.2018).
23. *Новейшая история стран Европы и Америки. XX век: в 3 ч.: учеб. для студ. высш. учеб. заведений* / под ред. А.М. Родригеса и М.В. Пономарева. Ч. 3: 1945–2000. М.: Гуманит. изд. Центр «ВЛАДОС», 2001. 256 с.
24. Большаков А.Г. Трансформация причин и функций внутренних вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве: вызовы и угрозы российской безопасности // *Внешние и внутренние региональные конфликты в современном обществе: тенденции развития и возможности управления* / под ред. А.Г. Большакова, Т.З. Мансурова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. С. 69–77.

References

1. Vasiliev V. *Transformatsiya vnutrennikh politicheskikh konfliktov v voiny: nomotetika i konkretika* [Transformation of internal political conflicts into wars: nomothetics and specifics]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International Affairs], 2018, no. 1, pp. 121–145 [in Russian].
2. Reder D.G., Cherkasova E.A. *Istoriya drevnego mira: v 2 ch. Ucheb. posobie dlya stud. ist. fakul. pedinst. Pod red. Yu.S. Krushkol* [Ancient History: in 2 parts. Textbook for students of historical faculties of teachers' training colleges. Yu.S. Krushkol (Ed.)]. Part 1: Primitive society and the Ancient East. M.: Prosveshchenie, 1979. 288 p. [in Russian].
3. Vdovina L.N., Kozlova N.V., Florya B.N. *Istoriya Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XVII veka. Pod red. L.V. Milova* [History of Russia from ancient times to the end of the XVII century. L.V. Milov (Ed.)]. M.: EKSMO, 2006, 768 p. [in Russian].
4. Vasiliev V.A. *Bazovaya skhema upravleniya etnopoliticheskimi konfliktami (Chast' vtoraya. Istoriko-materialisticheskie osnovaniya)* [Basic scheme of management of ethno-political conflicts (Part Two. Historical and

materialistic grounds)]. In: *Nauchnaya diskussiya: voprosy sotsiologii, politologii, filosofii, istorii: sb. st. po mater. XLIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Scientific discussion: issues of sociology, political science, philosophy, history: collection of articles on the materials of the XLIX International research and practical conference]. M.: Internauka, 2016, no. 4 (44), pp. 155–179 [in Russian].

5. Vasiliev V.A. *Sistematizatsiya etno- i religiopoliticheskikh konfliktov v iudaizme* [Systematization of ethnic and religious and political conflicts in Judaism]. In: *Vneshnie i vnutrennie regional'nye konflikt v sovremennom obshchestve: tendentsii razvitiya i vozmozhnosti upravleniya. Pod red. A.G. Bolshakova, T.Z. Mansurova* [External and internal regional conflicts in modern society: development trends and management capabilities. A.G. Bolshakov, T.Z. Mansurov (Eds.)]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2017, pp. 87–114 [in Russian].

6. Milov L.V., Tsimbaev N.I. *Istoriya Rossii XVIII–XIX vekov. Pod red. L.V. Milova* [History of Russia of the XVIII–XIX centuries. L.V. Milov (Ed.)]. M.: EKSMO, 2006, 784 p. [in Russian].

7. *Narody mira. Etnograficheskie ocherki. Pod obshch. red. S.P. Tolstova* [Peoples of the world. Ethnographic essays. S.P. Tolstov (Ed.)]. *Narody Avstralii i Okeanii. Pod red. S.A. Tokareva, S.P. Tolstova* [Peoples of Australia and Oceania. S.A. Tokarev, S.P. Tolstov (Eds.)]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. 854 p. [in Russian].

8. *Istoriya srednikh vekov: V 2 t. Ucheb. dlya vuzov po spets. «Istoriya». Pod red. Z.V. Udaltsovoi i S.P. Karpova* [History of the Middle Ages: In 2 Vols. Textbook for universities on the specialty «History». Z.V. Udaltsova and S.P. Karpov (Eds.)]. Vol. 1. M.: Vyssh. shk., 1990, 495 p. [in Russian].

9. Vasiliev V.A. *Dvizhenie za nezavisimost' Shotlandii. Retrospektivnyi analiz i sovremennoe sostoyanie* [Scottish independence movement. Retrospective analysis and current status]. *Svobodnaya mysl'*, 2014, no. 5 (1647), pp. 135–148 [in Russian].

10. Gutnova E.V. *Vozniknovenie angliiskogo parlamenta* [Emergence of the English Parliament]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1960, 581 p. [in Russian].

11. Delbrück H. *Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoi istorii: V chetyrekh tomakh* [History of military art within the framework of political history: In four volumes]. SPb.: Nauka, Yuventa, 1966. Volume three. Middle Ages, 448 p. [in Russian].

12. *Istoriya srednikh vekov: v 2 t. Ucheb. dlya vuzov po spets. «Istoriya». Pod red. Z.V. Udaltsovoi i S.P. Karpova* [History of the Middle Ages: in 2 vols. Textbook for universities on the specialty «History». Z.V. Udaltsova and S.P. Karpov (Eds.)]. Vol. 2, M.: Vyssh. shk., 1991. 400 p. [in Russian].

13. Delbrück H. *Istoriya voennogo iskusstva v ramkakh politicheskoi istorii: V chetyrekh tomakh. Per. A.K. Rachinskii* [History of military art within the framework of political history: In four volumes. Translated by A.K. Rachinsky]. Volume four. Modern times. SPb.: Nauka, Yuventa, 1966. 368 p. [in Russian].

14. Silber I. *Tainye sredstva bor'by. Sokr. per. s frants.* [Secret means of struggle / Abbreviated translation from French]. M.: Voenizdat, 1948, 104 p. [in Russian].

15. *Obyazatel'naya voennaya sluzhba v Britanii: za i protiv* [Mandatory Military Service in Britain: Pros and Cons]. Available at: https://www.bbc.com/russian/uk/2015/06/150529_britain_national_service_last_man (accessed 16.05.2018) [in Russian].

16. *Angliiskaya burzhuaznaya revolyutsiya XVII veka: v 2 t.* [English bourgeois revolution of the XVII century: in 2 Vols.]. Vol. 1. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954, 496 p. [in Russian].

17. *Angliiskaya burzhuaznaya revolyutsiya XVII veka: v 2 t.* [English bourgeois revolution of the XVII century: in 2 Vols.]. Vol. 2. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954, 385 p. [in Russian].

18. Vasiliev V.A. *Kommentarii k stat'e «Bazovaya skhema upravleniya etnopoliticheskimi konfliktami (Chast' pervaya)»* [Commentary on the article «The basic scheme of managing ethnopolitical conflicts (Part one)»]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* [Vestnik of Samara University. Economics and Management], 2017, no. 4, pp. 27–37 [in Russian].

19. *V Litve vernuli obyazatel'nyi prizyv v armiyu* [In Lithuania, returned to mandatory army recruitment]. Available at: https://lenta.ru/news/2016/06/21/litva_prizyv (accessed 29.04.2018) [in Russian].

20. Vasiliev V.A. *Bazovaya skhema upravleniya etnopoliticheskimi konfliktami (Chast' 3. Nomotetika upravleniya etnopoliticheskimi konfliktami)* [Basic scheme for managing ethnopolitical conflicts (Part Three. Nomothetics of managing ethnopolitical conflicts)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* [Vestnik of Samara University. Economics and Management], 2016, no. 3, pp. 12–24 [in Russian].

21. Ponomarev M.V. *Istoriya stran Evropy i Ameriki v Noveishee vremya: ucheb.* [History of Europe and America in modern times: textbook]. M.: Prospekt, 2010, 416 p. [in Russian].

22. Kramnik I. *Kak vstupit' v NATO: protsedurnye voprosy* [How to join NATO: procedural issues]. Available at: <https://ria.ru/analitics/20080403/102859189.html> (accessed 01.05.2018) [in Russian].

23. *Noveishaya istoriya stran Evropy i Ameriki. XX vek: v 3 ch. Ucheb. dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii. Pod red. A.M. Rodrigesa i M.V. Ponomareva* [The newest history of the countries of Europe and America. XX century: in 3 Parts. Textbook for students of higher educational institutions. A.M. Rodriguez and M.V. Ponomareva (Ed.)]. Part 3: 1945–2000. M.: Gumanit. izd. Tsentr VLADOS, 2001. 256 p. [in Russian].

24. Bolshakov A.G. *Transformatsiya prichin i funktsii vnutrennikh vooruzhennykh konfliktov na postsovetskom prostranstve: vyzovy i угрозы rossiiskoi bezopasnosti* [Transformation of the causes and functions of internal armed conflicts in the post-Soviet space: challenges and threats to Russian security]. In: *Vneshnie i vnutrennie regional'nye konflikt v sovremennom obshchestve: tendentsii razvitiya i vozmozhnosti upravleniya. Pod red. A.G. Bolshakova, T.Z. Mansurova* [External and internal regional conflicts in modern society: development trends and management capabilities. A.G. Bolshakov, T.Z. Mansurov (Eds.)]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 2017, pp. 69–77 [in Russian].

V.A. Vasiliev*

**INITIATION OF WARS ON THE BASIS OF INTERNAL POLITICAL
AND INTERNAL ECONOMIC CONFLICTS: NOMOTETICS AND SPECIFICATIONS
(PART I. FROM THE HISTORY OF WAR AND ARMY)**

The article researches some laws relating to the war and the army – their evolution, position in the society and relationship with the state political system. Significant consideration is paid to the issue of regular armies and the universal army conscription. Confirmations of the clearly attenuation of wars are reflected, but for the time being, however, wars remain actual.

Key words: war, army, state political system, mercenarism, army conscription, continental Europe, England, NATO.

Статья поступила в редакцию 15/V/2018.
The article received 15/V/2018.

---

* *Vasiliev Vyacheslav Alexeevich* (valv98@yandex.ru), postgraduate student of the Department of State and Municipal Management, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.